

Оксана Чурюканова

В ИТАЛИЮ

к себе

Оксана Чурюканова

В Италию. К себе

«Издательские решения»

Чурюканова О.

В Италию. К себе / О. Чурюканова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930830-6

«В Италию. К себе» — роман, написанный в форме дневника, страницы которого переносят читателя в Италию. Главная героиня на несколько дней приезжает туда из России для разрешения формальностей, связанных с переводом одной книги. Несколько месяцев назад судьба предоставила ей случай узнать ее автора, тогда еще «заочно», — итальянца с «микеланджеловским» именем Давид. Их встреча состоится в Риме, после чего героям предстоит расстаться на короткий миг, чтобы вновь соединиться уже навсегда.

ISBN 978-5-44-930830-6

© Чурюканова О.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Мозаика воспоминаний	7
Начало	9
У границы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В Италию К себе

Оксана Чурюканова

© Оксана Чурюканова, 2018

ISBN 978-5-4493-0830-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Иногда наступает время, когда тебя неудержимо тянет что-то написать. Под словом что-то я имею в виду не процесс создания всяческих красивых и не очень слов, заполняющих чистый лист бумаги, нет. Что-то – это настолько сильные мысли или чувства, которые просто невозможно носить в себе, и ты торопишься избавиться от них разными способами. Самый лучший из них – это разговор с другом. Самый простой из них – это написать что-то.

Так уж сложилось, что первый мне не подходит: вроде бы есть люди, считающие себя моими друзьями, да и я их, кажется, тоже, но вот, когда необходимо поговорить, все они оказываются занятыми. Поэтому в голову лезут разные мысли: нет, но может быть действительно так, что у друзей на разговоры с тобой времени и правда нет, но почему-то мысли об одиночестве упорно сжимают все внутри. Лист бумаги оказывается более верным другом, по крайней мере, с ним легче, потому что он никогда не откажется выслушать и переварить ту информацию, которую ты ему предложишь, хочет он того или нет.

Когда ко мне раньше приходило такое время, я писала стихи, рассказы, притчи, повести и даже романы. А затем... неожиданно слова закончились. Это состояние настолько странное, что описать его невозможно, разве что найти аналог в природе. Как, например, речка Яблоневка в моем родном городке, она была всегда миражом: то ли есть она, то ли нет. Русло, поросшее камышом, есть, а воды нет, но все горожане все равно продолжают ходить «на Яблоневку». Ты испытываешь определенные чувства, и для тебя они полноводные, мощные, яркие, а вот одежд у них нет. Избавиться от них ты уже не можешь, поэтому мучаешься и томишься, словно горшок в русской печи – еще чуть-чуть и взорвешься.

Способ избавления я все же нашла: заимствовать слова у других людей. Смешно, миллиарды нас на планете, несколько миллионов говорят на твоём языке, еще несколько миллионов говорят на твоём втором языке, и слова ваши одинаковые, общие. Но так ли это? Одно ли означает слово «счастье» для каждого из этих миллионов? Нет, все же слово – это невероятная сила, как не вспомнить: «Сначала было слово...».

Мозаика воспоминаний

Чернокожий на Площади народа говорит мне два слова «abito qui», я отвечаю «abito lontano» и, произнеся всего четыре слова, мы с человеком другой расы создаем картину в стиле миллиард D. Слушая и впитывая смысл его слов, я испытываю зависть к этому беженцу из Африки, и пока он надевает мне на запястье цветные браслетики из бисера, я представляю его огромную общину, девушек, что нанизывали эти бусинки на резинку, тех, которые, наверняка, готовят еду для всех в огромном котле или добывают ее в каких-нибудь центрах помощи беженцам, я вижу, как они спят в палатках или прямо на берегу моря, благо, что в Италии тепло, я ему страшно завидую, несмотря ни на что я тоже хочу жить «qui» и говорить об этом приезжим туристам.

Для него мое «lontano» означает суровый климат, красивый Кремль и памятники Петербурга. Мне так кажется, но, верно, я ошибаюсь, потому что разговор продолжается и парень засыпает меня вопросами. «У тебя есть дети», – внезапно говорит он, и я не сразу понимаю такой простейший вопрос, который сбивает меня с ног, – «Дети... сколько у тебя детей?» Да, я теряюсь, оттого что это звучит не как вопрос, а как утверждение. «Нет, у меня нет детей», – наконец, отвечаю я и вижу его недоумение. Дальше приходится врать: «да-да, у меня нет мужа, но есть жених, давно ли мы вместе? – оо, очень давно...». Иначе не объяснить, как это ты такая bella и одинока. А жениха все с удовольствием принимают и желают, чтобы он поскорее отважился жениться. Так, сидя на раскаленной римской площади, силой пары слов, мы оказываемся в параллельной реальности или нереальности. Для меня нереальность почему-то всегда заманчивее.

Окуная расплющенные усталостью и жарой ноги в венецианскую Лагуну, я упорно не могу поверить, что это происходит в реальности. Нет, мне не кажется, что это сон, я просто вижу все, что вокруг меня через некую пелену, то есть все, что происходит со мной, воспринимается мною, как во сне. Я трогаю воду, водоросли, белейшие мраморные ступени, но нет, мои руки, мои пальцы не ощущают их как реальность. Мне трудно почувствовать их температуру, разобрать: гладкие они или шершавые. Даже вода, стекающая по моим лодыжкам, не кажется мокрой. Как во сне...

Напротив трое парней и один мужчина, глядя на меня, отваживаются охладиться. Они снимают обувь, один тихо, осторожно ступает вниз на скользкие ступени, покрытые водой. Судя по выражению его лица, он испытывает долгожданное блаженство. Теперь они скромно плещутся в соленой воде по колени и фотографируют друг друга. Почти вырвалось «фотографируются». Благодаря итальянскому, знаю, что глаголы на «-ся» считаются направленными на себя, поэтому глагол «фотографироваться» больше подходит тем, кто снимает себя «на палку». В Венеции их продают чернокожие парни. Повсюду. На Площади святого Марка, но не в центре, а прячась от солнца под портиками, на улицах и улочках, держа «палки» в руках в виде цветных букетов. Отличная штука, которая расскажет всем вокруг, что ты одиночка. Что тебя некому снять. Хорошо, что обладателей палки все же меньше тех, кто снабжен полноценной камерой.

Итак, нереальные картинки реального мира, что окружал меня не так давно. Зачем я их описываю, вызывая в памяти, нанизывая на волшебную палочку, как Дамблдор? Неужели я хочу от них... избавиться? Возможно, нет. Возможно, я нахожусь в состоянии того горшка в русской печке, что того и гляди взорвется. Но отчего на многочисленные вопросы «Как там Италия?» я отвечаю всегда одно и то же: «У них все хорошо».

Италия. Откуда ты взялась на мою голову? Благодаря твоему существованию мне приходится зубрить язык день и ночь, так, что я и во сне его слышу, такой волшебный. Приходится

есть нездоровую пищу в виде макарон, пиццы, мороженого, сыра (нужно отдать тебе должное, фигура моя от этого не страдает ничуть, я вдруг начала худеть).

Как близко оказалось то, что таилось так далеко: Италия, я влюбилась в тебя! И похудение – это верный тому признак.

Как странно все это.

Я не смотрю фотографии, сделанные в тебе, я ни разу не рассказывала о своем путешествии в тебя, таком желанном, таком казавшимся нереальным. Да ты и сейчас остаешься для меня сном. *Sogno* – мечта и сон. В итальянском языке два неразличимых понятия. Может поэтому итальянские детишки не плачут? Потому что их сны не кошмары, а мечты? И сама Италия – мечта и сон. И я вновь завидую чернокожему парню, продающему на Площади народа сувениры из Африки. А почему он подарил мне пару безделушек просто так, видимо навсегда останется загадкой.

Когда-нибудь я сяду и напишу красивые воспоминания, впечатления от моей первой поездки в Италию. Когда-нибудь я постараюсь во всю: будет тысяча фотографий, описания городов, вкус местной еды, запахи моря и вкус йода во рту, изнуряющая жара, галлоны воды из фонтанов и солнце. Но для этого, для этого мне нужны определенные условия. Как у Поленова: надо найти то самое место, где будет дышаться, где будет работаться, где будет молиться, где будет любиться и житься.

Я согласна на маленький эркер, на полу цветы, письменный стол, непременно деревянный и старый, под ногами жаркие доски, впитавшие многовековое тепло, мутные стекла приоткрытого окна, за которым Лагуна... да, с ее неописуемым бледным зелено-голубым цветом и марево над ней. Утром, в полдень и вечером меня будут отвлекать окрики гондольеров и шум толпы, а ночью я стану писать. Да, только при таких условиях я смогу оказаться в том нереальном состоянии сна-мечты, погрузиться в нереальность, чтобы, наконец, понять, какова была на ощупь вода и белые ступени под ней...

Итак, слова кончились, а воспоминания остались и еще чувства. Опасное увлечение – уподобляясь богу, творить, создавая миры, вновь и вновь гложет меня. И я не в силах сопротивляться ему, открываю ноутбук, ищу незаконченный документ. Нахожу не сразу, отмечая, что это неспроста, что не нужно бы этого делать. Удержусь или нет? Остановиться не получается и тогда, когда меня пронизывает мысль, что все воплощенное в слове уже никогда не воплотится в реальности. Ведь я знаю это по горькому опыту. Удержусь или нет? Похоже, что я слабее искушающего меня. Или просто верю, что на этот раз проклятие не сработает, и все, что я создам, несмотря ни на что, будет иметь шанс осуществиться.

Начало

В самолет я села на рассвете. Холодный, липкий туман ощупывал мою кожу под тонкой ветровкой, пока я ждала в конце длинной очереди перед трапом. Одеться бы посерьезнее, но ведь я лечу в теплую страну. Это немного утешает и само слово «Италия» согревает меня, расплываясь по венам. Наконец все устроились. Три с половиной часа впереди, три часа, которые, я не могу этого не знать, будут наполнены жуткой нервозностью.

Мысли, с которыми нет смысла бороться, одолели меня, как только самолет поднялся, не без труда, выше облаков. «Как я доберусь до отеля? Такси или метро? Метро, скорее всего. Отель на окраине, найду я его к вечеру, если вообще найду. Так, спокойно, у меня есть карта и язык, это решит все трудности. Ведь в прошлый раз я без труда узнавала дорогу у местных». Предположим, что все пройдет хорошо, но завтрашний день меня отчаянно пугал. Уже на завтра у меня назначена встреча с представителем издательства. Я начала воображать его, и почему-то он мне рисовался невысоким, светловолосым толстяком, одетым в дорогой костюм и блестящие немного старомодные туфли. И портфель. Да, непременно будет портфель, который он поставит на свободный стул. А столик в баре будет круглым. О Боже!!! Пора признаться: я боюсь. Я в отчаянии и в панике. И мне кажется, что я ничего не смогу понять из того, что он мне скажет. И это будет позор и, конечно, провал моих планов.

Самоедство прекратилось в момент почти незаметного касания самолетом взлетной полосы. Огромная очередь на паспортном контроле и крутящиеся чемоданы на ленте уже не позволяли копать в себе, вынуждали включиться в происходящее вокруг движение. Аэропорт огромный, поэтому я, не останавливаясь, озираясь по сторонам, иду по стрелкам, читая надписи. «Uscita». Слава богу. Мысли о такси отметаю сразу – дорого, и бог знает, насколько честны местные водители. Рисую мысленно картинку из советского фильма с «памятником и деревом» и нахожу глазами метро. Так, пара часов и все будет в порядке, ведь по-другому просто не может быть. Я в Риме.

Четыре звезды, пальмы в кадучках на огромном балконе и белоснежные, гигантских размеров, полотенца в ванной комнате. Огромная постель, застеленная белоснежным же бельем, расправленным как по линейке. Кондиционер, который сейчас будет не охлаждать, а согревать, ведь уже ноябрь. В России первый снег и черные в своей наготе деревья. Здесь, как всегда, зеленая радость и ликование природы. Будь, что будет! Сегодняшний вечер волшебный уже потому, что я здесь. И это чувство, приятное, сосущее под ложечкой, наполняющее меня через край, что я дома.

Круглый столик, два кресла, все плетеное из коричневых прутьев ивы и потому живое и гостеприимное, на моем балконе. Он настолько широк, что здесь среди пальм можно устраивать танцевальные вечеринки. Минералка «frizzante» из мини-бара, чистая пепельница, которая в который раз вызывает желание закурить. Италия второй раз искушает меня сигаретами, но нет, я никогда не курила, и вряд ли стоит начинать теперь, даже если это знаменитые итальянские сигареты. Я улыбаюсь. Я знаю, что через несколько мгновений начнется то, о чем должны писать и не раз писали талантливые писатели и поэты – Римский закат.

Если бы я только могла его описать, но слов нет, я уже свыклась с этим и не переживаю по этому поводу. Хорошо, в таком случае, буду созерцать, потягивая колючую минералку из высокого стеклянного стакана. Вот оно! Началось!

День сменился вечером, это произошло резко. Воздух стал прохладным, словно открыли свои холодильники все римские торговцы gelato одновременно. На небе цвета горящего пламени, оранжево-желтом, четко вырисовываются черные, будто вырезанные умелым мастером из Китая, силуэты пиний и плавные макушки холмов. Эта игра света: желтого, оранжевого, черного ослепляет глаза. Картина кажется космической в своих масштабах. И вдруг ты видишь

солнце. Такое огромное, какое может быть лишь в иллюминаторе корабля, падающего на эту раскаленную звезду. В душе невероятный подъем. Ты чувствуешь восхищение, восторг, необъяснимую радость.

Постепенно это представление гаснет, на небе еще кое-где горят оранжевые облака и всполохи, но солнца больше нет. Еще пара минут и все накрывает черным платком с огромными и частыми звездами на нем.

Пришла ночь. Минералка выпита. Прохладная и мягкая постель принимает меня, будто свою. И в ту минуту, когда глаза мои слипаются, а руки и ноги уже разобрали: кому край подушки, кому одеяло, звенит звонок. Телефоны, скайпы и прочие технические штучки для меня – патологический страх. Ничто в мире не могло бы заставить меня воспользоваться web или ответить на незнакомый телефонный звонок, не знаю почему. Я начинаю испытывать безотчетный страх и отхожу подальше от звонящего мобильника, пока он не умолкнет. Звонит мой телефон, который сейчас я без всякого страха подношу к уху и говорю автоматически: «Pronto».

– Добрый вечер, синьора, вы уже приехали? – человек говорит быстро, и я понимаю его больше интуитивно, выхватывая отдельные слова. – В каком отеле остановились? Хороший? Хорошо. Итак, завтра в полдень. Хорошо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, до завтра, – говорю я и, улыбаясь в темноте, кладу телефон на прикроватную тумбочку.

На завтрак спускаюсь в домашнем: в джинсах и свитере. Тут балуют постояльцев белоснежным, теперь белоснежный йогурт в огромной чаше, похожей на аквариум. А еще фрукты в сиропе и тысяча сортов кофе и шоколада, холодного и горячего. «Как на день рождения», – проносится мысль. Часы идут неспешно, время здесь, будто другое: спокойное, неторопливое, тягучее. Вокруг улыбки, активная болтовня. Позитив. *Dolce vita*. У итальянцев нет выражения «Доброе утро». Сразу «Добрый день». Утро – это время, посвященное целиком себе любимым, своей семье, приятелю, с которым завтракаешь, чашке черного кофе и сигарете. Ближе к полудню на улицах появятся местные, о туристах, снующих толпами во всех переулках, я не говорю. Итальянцев видно сразу: не особенно красивые женщины, но непременно породистые, и очень яркие мужчины, всегда в костюмах и галстуках и в идеально выглаженных рубашках. Теперь осень, они замерзли, и большинство в куртках и коротких пальто, в какие в России одевают манекены в витринах бутиков.

Я в центре. Прохожу через площадь, хорошо знакомую мне по прошлой поездке. Нахожу взглядом ту лавочку, на которой мы сидели с чернокожим парнем, улыбаюсь вновь. Чувствую сзади меня знакомая церковь и в ней Дева Мария, которой я дарила красные розы, по совету хитрющих торговцев, молюсь ей быстро и неосознанно. И верю, что здесь она меня слышит, и я под ее нежными белыми руками и лазурным покрывалом. Один переулок и я на месте. Сердце колотится в груди. Синьор Фаббри уже здесь, встает, протягивает руку и широко улыбается, произнося «Buongiorno!» Бар пуст. По-видимому, на обед здесь соберутся служащие из близлежащих *uffici* через час-другой. Сейчас мы здесь вдвоем и рядом на пустом стуле стоит кожаный портфель синьора издателя. Все так, как я себе представляла.

– Итак, кофе?

– Конечно, – отвечаю я, смакуя мои любимые звуки: мягкий «ч» в сочетании с протяжным «э». *Certo*.

Мы заказываем кофе, официант улыбается, аккуратно расставляет белые чашки, наполненные черным, на столике под белой скатертью. *Arte*. Во всем искусство. Оно здесь окутывает тебя, словно ты находишься в изысканной экспозиции огромного музея. Красивая одежда, продуманные интерьеры, атмосфера, в которой невозможно не чувствовать себя Человеком с большой буквы. Именно они – эти прекрасные и талантливые люди, римляне, создавали цивилизацию, и невозможно не уважать их уже за это.

– Что касается книги, – говорит синьор Фаббри, – вы можете определить точный срок завершения работы?

– Не думаю. Точно не могу сказать. Мне понадобится от двух месяцев до пяти.

Синьор Фаббри не кажется удивленным, не кажется недовольным, похоже, что ему все равно. Скажи я ему, что буду делать перевод два года, он, похоже, и этому не удивился бы.

Я поясняю:

– После того, как я переведу, мне необходимо будет еще раз все проверить.

Он кивает головой. Тянется за портфелем, и тут у него звонит телефон. Извинившись, он поспешно достает черный плоский маленький мобильник из внутреннего кармана пиджака.

– Pronto! Sì, sì, bar... «Settecento»... sì. Vene.

Смотрит на меня, улыбаясь, говорит:

– Это Давид. Он хочет познакомиться с вами.

Я застываю. Я немеваю. Я чувствую, как все вокруг затягивает туманная завеса. Синьор Фаббри вложил в мои руки увесистую кипу отпечатанных листов, которую я приняла уже безвольно, не понимая, что с ними делать. Давид. Это все, чем я была полна в эту минуту.

Синьор Фаббри настойчиво потряхивает передо мной листами и ручкой, я плююсь на него, на бумагу и, кажется, проходит целая вечность, но официант подходит вновь и мы автоматически повторяем свой заказ: кофе и минеральная вода. Смутно, сквозь знакомую мне пелену тумана, делающего все вокруг нереальным миражом, скорее ощущаю, как в дверях бара показалась фигура до боли знакомая, но кажущаяся и теперь лишь продолжением нереального мира, моей фантазией.

Давид.

Нет смысла описывать его, потому как его именем все сказал сотни лет назад Микельанжело. Синьор Фаббри поднялся ему навстречу и протянул руку, приобнял, как это любят итальянцы. Подняться со стула сейчас для меня было непосильной задачей, поэтому я продолжала сидеть на месте. Похожая на мелкую летнюю муху, назойливая и мгновенная мысль, укусила меня: по этикету женщина первая протягивает руку мужчине. Но сделать так я тоже не смогла, однако, спустя один вдох, ощутила свою руку в его, мысленно расплывшись в чувстве благодарности. Итак, следующим ощущением стало ощущение его руки, державшей мою несколько дольше, чем простое рукопожатие. Эти несколько лишних мгновений позволили мне почувствовать, что его рука не горячая и не холодная, не крепкая и не мягкая. Белая. Тонкая. Если так можно описать руку человека.

Второе, что я смогла воспринять – глаза Давида. Они откровенно рассматривали мое лицо, пока он пожимал мою руку, потом также откровенно рассматривали меня всю: светлый пиджак, серебряную цепочку с жемчужинкой, мою шею и кружево на майке под пиджаком. Потом кисти моих рук и снова лицо.

Синьор Фаббри продолжал говорить, размахивая руками, в то время как мы молчали. Все, что я могла сказать Давиду, это дежурное «мне приятно», он тоже что-то сказал, но мой мозг отключил сознание того, что язык я знаю, я лишь услышала его голос. Станный, потому что он казался мне знакомым. Не низкий и не высокий, это не был ни в коем случае ни бас и не баритон, но и не тенор. Голос юноши, который простужен. Одновременно светлый и хриплый. Очень мягкий.

Синьор Фаббри вновь вкладывает в мои руки пачку бумаг. Это договор, понимаю я. И эти листы позволили спрятать в них свое смущение и трепет от присутствия здесь Давида. Я хватаюсь за них, как за спасение, пытаюсь читать, безуспешно перелистываю, перекалдываю один за другим. Синьор Фаббри смотрит на часы и, по всей видимости, желает, чтобы я все подписала как можно скорее, и освободила его, наконец. Конечно, ведь ему пора бежать. Время к обеду, а это святое для итальянцев время. Моя рука уже взялась за ручку, любезно протянутую мне синьором Фаббри, как внезапно, из-под моей руки вся эта пачка уплывает в руки

Давида. У него делается серьезным лицо, глаза пробегают по строчкам, теперь их не видно под длинными, невероятными для мужчины ресницами, и я могу позволить себе, наконец, разглядеть его.

Он красив. Так красив, что кажется невероятным, что кто-то смог произвести нас свет такую совершенную красоту, кроме Микельанджело. Он что-то быстро говорит синьору Фаббри, недовольно сдвигает брови, и рот его, скульптурный и совершенный, становится жестким. Я и не пытаюсь понять слова. Я просто смотрю на них, сидящих напротив, и делаю глоток воды.

Синьор Фаббри мягко, но настойчиво вытягивает из рук Давида бумаги и вновь протягивает их мне. Взгляд, направленный на меня, запрещает; не произнеся ни слова, Давид неуловимо качает головой и отчего-то, подчиняясь, я перевожу взгляд на синьора Фаббри и с улыбкой говорю:

– Синьор Фаббри, я прочитаю договор в отеле, мой язык не позволяет мне так быстро...

Тот все понял. Поднялся. Раздраженно кивнул головой и, как выругался, произнес «ладно». Через пару мгновений его уже не было в баре.

Я и Давид. Мы вдвоем. Друг напротив друга.

Я чувствую себя неловко, но испытываю тепло потому, что знаю, меня защитили, а это так приятно.

– Мне кажется, есть необходимость проверять документы, перед тем, как их подписываешь, – говорит его голос, а глаза прикованы к моему лицу.

– Наверное, – отвечаю я, до сих пор не понимая, как это слово может означать и «наверное» и «конечно» одновременно. – Вы правы, – добавляю я, думая, что он может меня не понять, и что возможно все же есть в итальянском слово, означающее «наверное».

– Покажите документы своему адвокату, – говорит Давид, поднося к губам чашку кофе, непостижимым образом оказавшуюся перед ним, не иначе, официанты здесь маги.

– У меня нет адвоката, – улыбаюсь я, видя его удивление.

Конечно, он не мог поступить иначе: Давид забирает пачку бумаг, обещая показать их своему. А я рассматриваю его белые тонкие кисти рук, которые складывают документы в черную папку. Пальцы красивые. Но у них есть недостаток: ногти не идеальной формы или просто без идеального маникюра на них. А иначе он казался бы мраморной статуей. Все верно. Он что-то говорит, мне трудно концентрироваться на словах и я практически потеряла способность понимать.

– Извините меня, мой итальянский не очень хорош. Я читаю и пишу, но мне трудно понимать речь.

– Понимаю, – он улыбается чему-то.

Я не могу не улыбнуться в ответ. И вдруг слышу:

– Мне хотелось бы поговорить с вами о многих вещах. И может быть, будет время, когда мы сможем поговорить с вами о многом...

Я тону в этой фразе. Потому что в итальянском ее смысл немного глубже и объемнее. Мне хочется ответить ему чем-то таким же теплым, я достаю из сумки блокнотик и ручку.

– Вот. Когда я не понимаю, можно писать. В Италии с бумагой хорошо?

Он смеется. В его глазах блестит свет. Лучезарный взгляд – это взгляд Давида. Одновременно «темный». Непостижимое сочетание света и тьмы. Хочется узнать его душу.

Давид спрашивает, где я остановилась, непонимающе качает головой, нет, этого отеля он не знает. Я смеюсь: периферия. Интересуется сразу, хороша ли гостиница. Продолжает скользить по мне взглядом и одной рукой тянется за сигаретами. Спихватившись, уже после того, как между нами повисает прозрачный дым, спрашивает, не против ли я. Молча качаю головой и улыбаюсь. Подперев руками подбородок, позволяю себе, наконец, расслабиться и открыто смотреть на него. Он не смущается. Не отводит взгляд. Мы оба улыбаемся. Друг другу и чему-то еще.

– Я несколько лет пытался бросить это, — говорит он, показывая на сигареты, — но безуспешно.

– Я знаю, — отвечаю я. И по его глазам вижу, что он немного удивлен такому ответу. — Колдун не помог?

– Нет, — автоматически отвечает он, затягиваясь, пряча волнение за ароматным дымом. Я читаю в его глазах: «Откуда ты это знаешь?». Но губы его молчат, пока глаза, невероятные живые глаза всматриваются в мои.

– «Еще не пришло то время», сказал колдун. Я прочитала это в журнале.

Он, наконец, расслабился и рассмеялся. Смех его искренний, как у ребенка. Вдруг он произносит, нервным движением гася сигарету в пепельнице:

– Почему ты хочешь сделать перевод?

Я не понимаю. Я не смогла бы ответить на этот вопрос даже по-русски.

– Почему... — тяну я.

– Да, почему? — пытливо заглядывает мне в глаза сидящий напротив Давид.

– Не могу сказать.

– Почему?

Действительно, почему? Я вожу взглядом по краям белой чашки с кофейными разводами: пинии, стоящие в ряд, голова собачки... «Рим и друг», — объясняю себе эти знаки, гадая на кофейной гуще.

– Я собиралась читать эту книгу. (Я хотела сделать это не только для себя, но и для друзей, чуть не сказала... такие слова, мне кажется, обидели бы его). Я ее ждала с весны.

Ему приятно, я вижу это. Похоже, что больше не будет приставать с этим «perché?»

Мы сидим в баре уже второй час. Появились люди. Я замечаю их взгляды. Исподтишка рассматривают Давида и меня. Он заметно напрягается, его руки, его плечи, спина — вся его поза говорит о дискомфорте, но он не встает, и я знаю, что из-за меня. Да, я точно это знаю. И от этого я вся наполнена сладким туманом. Который я разрешаю себе, наверное, первый раз в жизни.

Надо сделать усилие и подняться. Пора завершить это чудо — нашу встречу. Поднимаюсь, не размышляю над тем, надо или нет протягивать руку для прощания, потому что чувствую: он не уйдет.

Мы вместе выходим на улицу. У меня в кармане блокнотик, который не понадобился, пока. У него в руках черная папка с моим неподписанным договором. Идем узкой улицей, не договорившись куда. На улице почти нет прохожих, и это несмотря на обеденное время. Прохладно. Небо заволочили серые тучки. Фонтанчики и фонтаны, что встречаются нам по пути, работают. Осень и фонтаны... «Autunno e fontane», — говорю я. И ощущаю рядом со своим плечом тепло его плеча. На нем темная мягкая куртка и синие джинсы, он пахнет каким-то мужским ароматом и сигаретами. Он очень уютный, я это чувствую и вижу. Даже не смотря на него. Ощущение его плеча кажется мне невероятным счастьем. Таким, что впору заплакать.

И я знаю, что буду плакать сегодняшним вечером и ночью, и уже сейчас у меня щиплет в носу.

Приходится поднять глаза и сделать вид, что рассматриваю небо. Он не смотрит на меня, идет рядом, и по его то ли дыханию, то ли энергии, что исходит от его красивой фигуры, я знаю, что он думает обо мне. Между нами напряжение. Он вновь достает сигарету. У меня нет ничего, за что можно спрятаться. Глаза вдруг замечают метро на противоположной стороне улицы. Я прикасаюсь к его пальцам под длинным рукавом темной куртки. Прикасаюсь, не думая, что делаю, просто и естественно.

– Метро. Я должна идти.

Мы останавливаемся посреди узкого тротуара. Он заметно нервничает. Бросает сигарету под ноги. Опускает глаза. Мы стоим и как будто чего-то ждем. Люди обходят нас, но без недовольных лиц. Наконец, Давид произносит, указывая на папку:

– Я сегодня передам это адвокату.

– Хорошо. Спасибо, – отвечаю я, силясь понять, что он еще говорит. Телефон. Да, он спрашивает мой номер телефона, при этом, не доставая свой, как он думает его записать? Я пишу в блокноте номер и, вырывая страницу, протягиваю ему. Прячет в карман. Лицо, кажется светлым, он улыбается чуть-чуть, краешками губ.

Осознаю себя уже в вагоне метро. «Это невероятно!» – бьется в голове мысль, эмоции захлестывают. Давид здесь... я здесь... Рим.

Теперь я могу отдаться этому ощущению: существованию в Риме.

Выхожу на ближайшей станции и принимаюсь бродить по городу, пока на оранжевом небе не вырисовываются черные силуэты стоящих в ряд пиний, словно знаки на кофейной чашке.

Весь вечер и полночи я проплакала, сидя сначала на балконе, потом лежа в кровати. Это мое обычное состояние. Меланхолия, которая усиливается всегда от соприкосновения с чем-то прекрасным. Сегодня прекрасного оказалось слишком много. «Торро» – в итальянском есть такое понятие – «слишком много». Не пытаюсь понять, отчего я реву в такой в общем-то счастливый день, я выключила свет и села, прислонившись спиной к высокой спинке кровати. Лежать не было возможности, лежа я задыхалась от слез. Спустя несколько часов включила свет и достала книгу. То, ради чего я приехала сюда. Ради чего меня пригласил на встречу синьор Фаббри, представитель издательства, куда я писала без всякой надежды на ответ.

С обложки на меня смотрели маски, среди которых была маска Дали, который усмехался из-под своих усов.

Мне ничего не стоило перевести ее за пару месяцев, я это прекрасно знала. Но назвала срок почти в полгода, не знаю почему. Почему меня снова одолела болезненная грусть сейчас, я тоже не знала. Это странное ощущение происходящего во сне и не с тобой, такое знакомое по прошлой поездке в Италию. Что ж... остается лишь подчиниться ему. Слезы высохли. Я прочитала несколько страниц. Потом сами собой глаза закрылись, и я уснула, совсем без всяких снов.

После завтрака я решила начать работу. Переставила так, как мне это было удобно, предметы на столе. Счастье, что в номере он был: большой, письменный, настоящий. Через пару часов стол уже завалили бумаги, книги, обрывки закладок. Я ощутила себя в привычной рабочей атмосфере. Обожаю ее. Этаким писательский хаос во всем. С чашкой кофе, венчающей его, возвышающейся на самой высокой кипе книг. Звонок. Я не сразу услышала его. Поспешно сохранила документ в ноутбуке. Чуть не уронила чашку с ее постамента.

– Pronto, – говорю в трубку, не зная, кто там, номер незнакомый. Я думала о синьоре Фаббри в этот миг.

– Добрый день.

Голос мягкий, подернутый, будто сигаретной дымкой.

Давид...

Я молчу. Молчу слишком долго. Он тоже молчит, но первый нарушает эту странную тишину:

– Я отдал вчера документы адвокату, он считает, что...

Я не понимаю, что он говорит. Молчу. Он умолкает и потом медленно, как бы вспомнив, что говорит с иностранкой, почти по слогам произносит:

– Мы встретимся?

– Когда?

– Сегодня.

– Где?

Мне не сложно договариваться о встрече, это тема первых уроков. Я спрашиваю, в каком часу и говорю «ладно, до скорого!»

Теперь приходится оглядеться вокруг. В комнате хаос, постель не застелена, жалюзи открыты и сквозь них светит солнце, такое невероятное в ноябрьский день. Иду в душ, укладываю волосы то так, то эдак, достаю платье и куртку. Ни о чем не думаю. Тем более о том, что через пару часов увижу его.

Действительно, он ждет меня в том же баре, где мы были вчера. Я не замечаю, есть ли люди здесь, вижу лишь его. И чувствую, как моя рука оказывается в его пальцах. Вижу напротив улыбку и глаза, в которых лучатся искры света. Минутное вмешательство официанта, и мы вдвоем. Он не садится напротив, как вчера, а занимает место рядом, сбоку от меня, так что передо мной оказывается стеклянная витрина-окно, за которым шагают прохожие по каким-то своим делам. Машин на улице почти нет. Мне интересно, как Давид передвигается по городу? Неужели пешком? Или может на такси? Спросить его об этом я не знаю как. Мы греемся о горячие чашки с кофе. Я прошу разрешения говорить ему «ты», потому что на «вы» по-итальянски говорить для меня труднее. Он, конечно, согласен. Я тянусь за рюкзаком.

– У меня есть для тебя подарок, – говорю я ему, не зная, как он отнесется к этому, – извлекаю две книги и кладу перед ним.

Его реакция мне не нравится, он выглядит просто удивленным: почему и зачем я ему предлагаю их. Я объясняю не без горького укола в сердце:

– Это я написала, здесь посвящение тебе. Если бы не ты, их бы не было.

Кажется, он начал понимать. Смотрит на меня со смесью восхищения и удивления:

– Ты?! Ты пишешь книги?

Пришла моя очередь улыбаться:

– Да, пишу. Иногда.

Он поражен. И я удовлетворена этим. Листает книги, смотрит на посвящение, смотрит на меня вновь, но другими глазами.

– Хотел бы я прочитать их, – говорит он, проводя по строчкам пальцами.

– Они только на русском, – отвечаю я.

– Жаль...

Мне приходится снова убрать книги в свой рюкзак, потому что у него нет с собой никакой сумки. Он шутит, что, мол, не забудь, они мои, я киваю в ответ. Какое-то время он продолжает смотреть на меня, как на инопланетянку, затем спохватывается и говорит:

– Адвокат сказал, что договор странный.

– Странный? – спрашиваю я, улыбаясь этому слову, потому что оно и по-итальянски звучит «strano».

– Да, – продолжает Давид, а я рассматриваю его ресницы, которые с этого ракурса кажутся просто невероятными для мужчины. – Почему ты делаешь эту работу бесплатно?

Он, похоже, и вправду не понимает.

– Все верно. Бесплатно. Мне нужно было только разрешение от издательства на перевод. А они предложили опубликовать книгу на другом языке.

– Нет, подожди! – говорит он. – Это неправильно!

Я понимаю, что для них это невероятно: делать работу и не получать за это ничего. «Всякая работа должна быть оплачена», по этому принципу живут у нас зачастую лишь москвичи, мы же к этому не приучены. Да и не нужно мне больше того, что уже есть: книга, написанная Давидом, и возможность купить ее и прочитать! А перевод... я все равно бы ее переводила. Пытаюсь это объяснить, слабо выходит. Наконец, он завершает спор очередным «нет». Приходится согласиться с ним и умолкнуть. Думаю, что он со своим адвокатом заставят составить новый договор, включают него мой процент от продажи и еще что-нибудь за саму работу.

Но на это мне честно наплевать. Тем более сейчас, когда слева от себя я ощущаю его присутствие. Теперь понимаю еще и то, что на составление нового договора уйдет какое-то время, а его у меня, возможно, не будет.

– Я должна буду скоро уехать, – говорю я ему.

Мы сидим в опустившейся тишине, окутанные клубами сигаретного дыма. Потом он проносит глухим и тихим голосом:

– Когда?

Я смотрю в его лицо, осознавая, что на этот раз мне будет куда больше уезжать домой...

– Обратный билет у меня через 10 дней, теперь уже семь.

– Семь дней?! – повышая голос, говорит он, отчего люди в баре невольно оборачиваются на нас.

Что я могу ответить. Семь дней.

Давид вновь замыкается и прячет глаза за дымом сигареты. Его рука, с тонким, будто женским запястьем, мнет опустевшую пачку.

– Это слишком мало, – говорят его губы, при этом выражения лица не разобрать.

«Мало для чего?», хочется спросить, но я не рискну.

– Ты раньше была в Италии? – голос его, тихий и ровный, кажется спокойным. Само его присутствие успокаивает. Пусть ненадолго, но я позволю себе фантазировать, что мы сидели, сидим и еще не раз будем вот так сидеть в этом баре, считая его «своим» и вспоминая дату нашей первой тут встречи.

– Была. Я люблю Италию.

– Почему?

Это видимо его любимое слово. Почему.

Пытаюсь объяснить, не опускаясь до цитирования текстов из учебника. Искусство, музыка, кино... мало ли вещей настолько прекрасных, что захочется прикоснуться к ним, и не удивительно ли то, что все они сосредоточены в одном месте... в Италии? Мой язык не позволяет объяснить все это так, как я чувствую, и поэтому я произношу лишь слова, в которых заключено для меня очень много: закаты Рима, Микельанджело во Флоренции, подсолнухи в Тоскане, Венеция и мосты...

Давид смотрит на меня сквозь длинные ресницы, на его губах играет полуулыбка. Как будто он знает обо мне все. От этого мне не стыдно говорить ему обо всем. «Интервью» продолжается, и он спрашивает меня о семье, о работе, о том месте, где я живу. Но меня не отпускает ощущение, что все это его на самом деле мало интересует. Он все так же продолжает улыбаться, почти не слушая меня, и глядеть на мое лицо.

– Идем, – вдруг говорит он, поднимаясь и одновременно отдавая деньги официанту.

Я подчиняюсь, надеваю куртку, выбираюсь из-за длинного ряда столиков. Мы выходим на улицу и идем прямо по серым и гладко отполированным камням мостовой. Его рука невероятно естественно берет мою. Мне хочется идти с ним. Идти рядом с ним, идти за ним.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, чувствуя, как на холодном воздухе мои щеки пылают.

Он молчит и продолжает улыбаться.

Улицы Рима совсем небольшие, узкие, со множеством переулков. Мы в центре города. Людей почти нет. Мотороллеры проносятся, оглушая жужжанием. Площадь народа.

– Я была здесь, – говорю я ему, поднимая голову, чтобы видеть его лицо.

Он молча кивает, и с его губ не сходит полуулыбка. Красивый. Слишком красивый для человека. Работа Микельанджело уступает ему во многом. Высокий, но не слишком, как бывают высоченные люди, которых так и хочется назвать «длинными», худой, но не настолько, чтобы быть тем, что называют «кожа и кости». Гармония – вот, из чего он весь состоит. И даже одежда на нем гармонична. И запах. И эти сигареты, без которых его невозможно представить. Само совершенство.

Мы пересекаем площадь, проходим в одну из длинных улиц, что лучами вытекают из нее.
– Я тут была, – говорю я вновь, ощущая дежа-вю.

Мы заворачиваем в переулок, проходим в его центр, знакомое место, адрес, который я могла бы назвать, разбуди меня среди ночи. Давид нажимает на кнопку звонка и теперь смотрит на меня.

– А позвонить я тогда не осмелилась, – говорю я ему, замечая, что его взгляд сделался напряженным и улыбка исчезла.

– Кто? – голос, звучащий из домофона, кажется электронным.

– Мама, это я, – отвечает Давид и, не выпуская моей руки, вводит меня в открывшуюся дверь.

Здесь полутьма и широкая лестница, после первого пролета уже открыта деревянная дверь, толстая, древняя, вся украшенная резьбой и металлическими коваными деталями. Из нее сочится свет, указывая путь по каменным ступеням. Дом дышит стариной. Я ничего не понимаю. Слышу лишь голоса и вижу свет, льющийся из квартиры. Чувствую руку, которая крепко сжимает мою ладонь. Так крепко, будто не оставляет мне шанса вырваться и сбежать. Но я сейчас, как безвольная кукла.

Мама? Мы что, пришли к его маме? Но, да, я знаю, что это ее квартира. А зовут ее Мария. Давид, кажется, всерьез опасается, что я смогу удрать и держит меня за плечи, пока к нам в переднюю не выходит пожилая, красивая женщина.

– Мама, это та девушка, о которой я тебе говорил, переводчик... Это моя мама... Мария, – я с трепетом протягиваю руку (впервые делаю это осознанно и с желанием), одновременно желая наступить ему на ногу каблуком... ничего себе, сюрприз! И для меня и для нее.

Синьора приветливо оглядывает меня, улыбается, пожимая мне руку, и приглашает пройти. «Через десять минут к столу», понимаю ее слова, но, не понимая до конца, что я нахожусь здесь! В том самом доме, у двери которого я стояла, фотографируя звонок с фамилией. Давид кажется здесь в своей атмосфере. На сто процентов подходящий для него кадр. Огромная квартира. Старинная мебель. Картины на стенах. Зеркала бесподобной красоты. Теплый свет. Приятный запах и поразительная чистота. Не квартира, а музей.

«Это наш дом, – говорит мне Давид, проводя по длинному коридору в ванную, – я здесь провел все детство». «А теперь?» – спрашиваю я. «Теперь у меня другая квартира, но тут недалеко. Здесь живет мама». – «Одна?» – «У нее есть помощница по хозяйству, Елена». Он открывает дверь, крашеную белоснежной краской, – ванная комната, – и оставляет меня. Ничего подобного я не видела ни в одном журнале интерьеров: огромное помещение, окна, зелень в горшках, мрамор, бронза и мозаика. Во всем старина и гармония.

Потом обед. Настоящий итальянский обед. Овальный стол, стоящий посреди большой столовой, накрытый скатертью. Фарфоровые тарелки гигантских размеров. Цветы в вазе. Я чувствую запах хлеба и не могу удержаться, чтобы не попробовать его. Не могло быть иначе: свежесвеженный, горячий! Благодарение небесам, напротив синьора Мария, а Давид снова слева от меня. И опять я чувствую тепло его плеча. Он кажется радостным, в приподнятом настроении. Рассказывает о чем-то, незаметными движениями, ухаживает за мной, наполняя мой стакан водой и подкладывая в тарелки все новое и новое, что-то незнакомое мне, но невероятно пахнущее травами, чесноком и помидорами. Ноябрь за окном...

Вдруг он тихо говорит мне, наклоняясь к виску: «Книги... Я могу их взять?» Ах, книги так и остались у меня в рюкзаке: «Конечно!» – говорю я, и он вскакивает из-за стола и приносит в рюкзак, я развязываю тесемки и извлекаю из черной глубины книги. Он передает их в руки матери, сопровождая это объяснениями. Синьора Мария кажется удивленной, она с интересом гладит обложки, листает страницы, вновь глядит на меня. Мне ужасно приятно. Я ощущаю самую лучшую награду за свой труд (если это можно назвать трудом).

– Писатель, – говорит она, с улыбкой, внимательно глядя мне в лицо.

Ощущение такое, будто меня доставили в этот дом нарочно, чтобы продемонстрировать этакое невиданное существо.

– Я не писатель, – отвечаю я, – я ученый, а книги... это мое свободное время... для друзей... только для друзей.

Синьора Мария, со своей стороны стола, глядит на нас и вдруг говорит: «Два писателя». И мы хохочем...

Кофе, десерт – непременно завершение обеда, и мы оказываемся в одной из комнат. Это комната Давида. Я спрашиваю: «Можно?» и вижу его улыбающиеся глаза. Прохожу к окну, отодвигаю штору, за окном Рим. Окна высокие, со ставнями. Мне хотелось бы знать, как ощущает себя человек, родившийся в таком месте? Каким он должен ощущать себя, имея за окном такое...

– Ты счастливчик, – говорю я ему, заранее предугадывая, что услышу в ответ и улыбаюсь этому. И он говорит:

– Почему?

Давид стоит совсем рядом со мной, так что я вижу лишь рукав его пиджака, и чтобы увидеть его лицо, мне пришлось бы поднять голову. Я не могу этого сделать, поэтому смотрю на его уютное плечо, борясь с воспоминанием одного прекрасного сна, в котором мы стояли вот так, и во сне я прижалась к его плечу, ощущая сладкое до боли чувство...

– Потому что ты живешь здесь. В Риме, в Италии.

– Ты тоже можешь здесь жить.

Сколько раз мне писали эту фразу по-итальянски, но сейчас я услышала ее. И это было по-другому. Написанное всегда однобоко. В произнесенном же слове есть сила.

– Почему бы тебе не остаться?

Действительно, почему? Хотя бы потому, что это невозможно. Просто невозможно. Так и говорю ему:

– Это невозможно.

Он отходит от меня подальше, опускается в кресло. Смотрит, молчит. Рука, опирается на подлокотник. Пальцы прижимаются к губам... Такой, как всегда, но сейчас чересчур серьезный, недовольный чем-то.

– Если ты хочешь здесь жить, что тебе мешает? Ты образованная, умная, молодая. Ты можешь жить там, где захочешь. Можешь найти работу здесь.

Я нервно смеюсь:

– В баре, посудомойщицей.

Он морщится и зажигает сигарету.

– Нет, ты можешь работать здесь в любой галерее.

– Давид, хватит!

Я почти кричу на него, но его слова задели меня за живое. Как у них все просто!

– Чтобы жить здесь мне, по крайней мере, нужно заплатить за жилье, а я в месяц зарабатываю столько, сколько итальянцы тратят в день! Чтобы приехать сюда, мне понадобились три зарплаты, а с кризисом, это будет вообще нереально!

И тут он сделал то, чего я никак не ожидала.

Давид подошел и обнял меня.

Меня еще колотила нервная дрожь от той несправедливости, что существует в мире, но... он обнимал меня. И это произошло так внезапно, что я успела лишь ощутить себя нырнувшей в свой сон. Кожа моей щеки чувствовала тепло рукава и колючие шерстинки, его запах, который неслышно окутывая все вокруг, теперь затопил меня как цунами.

– Успокойся, – сказал он. – Нет ничего невозможного.

Поверила ли я ему в этот момент? Может, и нет, но мне нравилось невольно подчиняться ему. Его рука легко провела по моим волосам, и он выпустил меня из объятий, вернув возмож-

ность снова дышать. У них другой порог близости между людьми. Обнимаются, целуются при встрече, касаются друг друга гораздо чаще, чем мы. Чем я, которую никто вот так не обнимал и не держал за руку. Они другие, открытые, уверенные, спокойные. Мне стало стыдно за свою вспышку и за то, что я рассказала больше, чем надо было.

– Извини, – сказала я ему, боясь увидеть в его глазах разочарование. Но нет, он смотрел так же, как минуту назад, улыбаясь немного снисходительной улыбкой, будто все знает про меня, даже больше, чем я сама.

В отель он отправил меня на такси. Усадив меня, наклонился к водителю и что-то ему быстро проговорил. Все же я за ними еще не успевала, чтобы понимать язык на такой скорости по меньшей мере нужно тут прожить лет так -дцать... Отдал таксисту деньги. Я возмущенно заерзала на сиденье, дождалась, пока он посмотрит на меня, и покачала головой, укоряя и не зная, как это ему объяснить, просто сказала:

– Давид!

Он улыбнулся и прижал ладонь к стеклу. Я дотронулась до его руки своей. Этот жест, столько раз виденный в самых разных фильмах... Пришлось улыбнуться и смотреть в след, пока машина не повернула за угол.

Через два дня, которые я провела над переводом, и в которые мы не встречались с Давидом, но несколько раз обменивались парой фраз по телефону, мой договор был готов. Адвокат Давида переписал его почти полностью, включив в него отдельным пунктом оплату работы и последующие проценты от продаж издания в русском варианте. Противиться мне, как не хотелось, не имело смысла, я спасовала, лишь увидев его, адвоката, вернее, ее. Это оказалась женщина. Крашеная в блондинку породистая итальянка. Молодая. Лет за сорок. Вся в огромных золотых украшениях. В костюме от какого-нибудь итальянского дизайнера. Вся в черном. Красная помада. Портфель. И очки в золотой оправе, которые она нацепила на нос, лишь только на столе появились бумаги.

Сделка совершилась в лучших традициях кино. Я ощущала себя, словно в кино, это правда. И теперь было понятно то мое ощущение нереального мира, что сопровождало меня в Венеции. Эти люди, что окружали меня сейчас, тоже были персонажами кино. А я попала в кадр совершенно случайно.

Синьор Фаббри казался внешне спокойным, но чувствовалось его неприязненное отношение ко мне, к Давиду, к адвокатессе. Быстро забрав подписанные документы, он распрощался и поспешно вышел на улицу. Там поймал такси и уехал, думаю, из моей жизни навсегда. Все, что нас теперь будет связывать, это электронная почта.

Адвокатесса подавляла меня своим присутствием. Необъяснимо почему, но рядом с такой женщиной я чувствовала себя маленькой, нескладной школьницей, одетой не так, причесанной не так, сидящей не так, говорящей не так. Хотя, говорить мне вообще не пришлось. Она заняла собой все пространство. Ее руки беспрестанно касались Давида, для нее не существовал тот порог отчуждения, что врос в нас корнями. Я видела ее копну волос у него на плече. И когда она с ним прощалась, целовала так, что сомнений быть не могло: они или в отношениях, или состояли в них. «Еще одна счастливица», сделала я про себя вывод, глядя, как она удаляется по улице. Что ж... верно, и мне пора. Я подняла глаза на Давида.

– Спасибо. Не надо было это делать.

Он курил. Спокойно, не двинув ни одним мускулом, произнес:

– Но теперь ты сможешь приезжать сюда, когда захочешь.

У границы

Мы стоим на одном из знаменитых холмов и смотрим вдаль. Сейчас, уже через несколько минут, должен начаться закат. Тот самый, римский закат. Об этой минуте, могу признаться, я думала. Представляла ее себе, так как это делают художники. И поймала себя на мысли, что все точно так, как рисовало воображение. Высота почти птичьего полета, внизу как на ладони или на дне чаши, древний город, впереди спины холмов, усеянные черными силуэтами деревьев. И небо. Оранжевое как свет костра. Солнце. Такое огромное, что кажется нереальным. Справа я больше ощущаю, нежели вижу его – Давид. Его присутствие делает вполне завершенной композицию этой картины нереального, волшебного мира.

– Восхитительно... прекрасно... – шепчу я.

Со ставшими в миг черными на красном холмов перевозу взгляд на засверкавшие шпили колоколен, на храмы, на дворцы, в окнах которых вспыхнул пожар, на Давида, как кульминацию и воплощение красоты Рима. Он смотрит на меня. Я на него. Так рассматривают экспонаты в музеях, подолгу стоя перед ними, вглядываясь в малейшую черточку, в мельчайшую деталь, восхищаясь ее красотой и силясь понять секрет ее создания, ее существования в мире. Я не стесняюсь сейчас вот так разглядывать его, потому что я воспринимаю его не как человека, а как произведение искусства. Замечаю его невольное смущение. Первый раз за все время. Это заставляет меня улыбнуться.

– Ты очень красивый.

О! Как он растерялся! Наклоняет голову, пряча лицо, так, что передо мной лишь кудри волос, совсем седые. Поднимает лицо, улыбается.

– Я старый.

– Старый... – подхватываю я это слово, пытаюсь связать его с тем чудом, что стоит сейчас рядом, в лучах апельсинового солнца, и качаю головой, – нет. Нет!

Он делает шаг ко мне, я замираю, он слишком близко, чтобы продолжать дышать. Его рука проводит по моей щеке и остается там.

– Это ты, очень красивая. Такая красивая...

Нахожу в себе достаточно отваги, чтобы решиться и посмотреть ему в глаза, и, увидев, наконец, их так близко, чувствую, что упаду. Та сладкая пелена, что окутывала мир вокруг, теперь оплела меня. Я перестала чувствовать свои ноги, и каким-то инстинктивным движением подняла руки, чтобы ухватиться за его плечи. Но его руки не позволили бы мне упасть, я была крепко прижата к тому, что было Давидом. Я ощущала его вокруг себя, а себя заключенной в нем, как в мире. Мои глаза ничего не видели, а уши наполнял шум тысячи морей.

Все произошло слишком быстро, чтобы что-то понять.

Сидя с поджатыми к подбородку коленями, в темном номере отеля, я честным образом пыталась осознать то, что произошло. Уже на рассвете с сожалением подумала, что все, что было, это лишь глупый, романтический вечер. Я – всего-навсего очередная влюбленная в него дура. А он всего-навсего истинный итальянец. Который не преминул воспользоваться ситуацией и позабавился немного, хотя, возможно, для такого, как он, уж на самом деле немного.

Что поделат... большего не могло быть со мной, я следую своему собственному сценарию. Уже давно. Практически всю долгую-долгую жизнь. Возможно, он скучен, возможно, не совсем счастливый, но он мой. И никто и никогда не может его изменить. С этим я устало провалилась в сон.

Телефон надрывался, играя простую, навязчивую мелодию. Я открывала дверь, возвращаясь с завтрака, и слышала этот неутраченный звонок. Боясь побеспокоить им соседей, я в спешке пыталась отворить дверь ключом. Руки не слушались, а телефон не унимался, как

безумный. И пока я входила в дверь, и пока я шла через весь номер, и пока я брала его в руки, он оглушающее орал свою мелодию.

– Pronto, – говорю я, с дрожащими ногами опускаясь на диван.

Его я почувствовала сразу, как услышала истошный голос мобильного из номера – Давид. Спрашивает или скорее утверждает: «Мы встретимся сегодня...». «Я не знаю, – отвечаю, подбирая под себя ледяные ступни, – я хочу заняться книгой». «Занимайся. Но мы увидимся сегодня?». Его реплики не кажутся уж очень-то вежливыми, он прет как таран. И это совершенно естественно вызывает во мне сопротивление. «Не знаю». Слушаю молчание в трубке. Сглатываю нервный комочек. Собираюсь согласиться и слышу: «Ладно. Пока». Ух... как нехорошо.

День проходит в работе, в ней всегда я нахожу утешение и приют от всяческих неприятностей. К вечеру чувствую необходимость в кофе. Выползаю на улицу, нахожу первый попавшийся бар, жадно пью «lungo caffè», потом еще один. Прихожу в себя и вновь обретаю возможность рассуждать.

Я испугалась. Не в первый раз, поэтому прощаю себя. Чего? Не знаю. Я патологически труслива, вот и все. Я боюсь всего, что нарушает привычный ход вещей или заставляет меня столкнуться с чем-то новым, неизвестным. Давид оказался таким новым. То, что он заставил почувствовать меня, оказалось настолько новым, что неизбежно повергло меня в панику. Но он не знает этого, поэтому должно быть страшно обижен. И мне от этой мысли очень плохо, просто ужасно плохо на душе.

Хочется позвонить ему, но это желание длится секунду. Уже в следующий миг я думаю, что все идет, как надо. Все правильно. Все складывается так, как иначе не может быть. Пройдет пара дней, я соберу чемодан, поеду в аэропорт, три часа и я дома.

Отчего эта мысль не радует? Дома... не секрет, что здесь я чувствую себя как дома, уже с первого приезда. О своем настоящем доме говорить не могу, потому что его просто нет, нет, я не преувеличиваю: это произошло благодаря очередному (по-моему, второму в нашей стране) кризису.

Большую часть жизни я ощущала себя заводной куклой, которая ходит на службу, в магазин или на редкий шопинг. Когда-то, лет десять назад было больно от этой мысли, теперь нет. Привыкла, притупилось. Организм включил защиту, хотя я всячески настраивала его на разрушение. Писательство – вот верный способ уйти в нереальность. Жить. И эта жизнь, выдуманная мною, в миллионы раз реальной той, которую проживает мой организм, моя оболочка. Душа – это сейчас единственное живое во мне.

Пара дней, и все будет как прежде. И нет нужды вносить поправки в привычный ход вещей. Зачем?

Лежа в кровати, смотрю на телефон. Он молчит. Хватит ли мне сил безболезненно перевернуть и эту страницу жизни? Безболезненно вряд ли. Поворачиваюсь на бок и готовлюсь встретить очередной приступ черной меланхолии. Выключаю свет, механически замечая на часах – первый час ночи. Голова касается подушки, и в этот момент все мое тело передергивает, как будто через него пропустили тысячу ампер, – звонок телефона. Я вижу его мерцающий экран в темноте, протягиваю руку, беру так, словно он раскален, и я боюсь обжечься. Страх возвращается, панический до кошмарного спазма в горле. Я смотрю на экран, он продолжает орать, наверное, на весь этаж. Лишь желание остановить это заставляет меня нажать кнопку.

– Доброй ночи, – говорит Давид.

В итальянском это звучит довольно уместно, жаль, перевести это так, чтобы передавало смысл, нельзя.

– Доброй ночи, – отвечаю я, садясь в постели.

Давид молчит. И я не знаю, чем заполнить эту пустоту. Сердце выскакивает из груди.

– Что ты сегодня делала? – спрашивает он голосом, кажушимся мне сейчас низким для него.

Подбираю слова: — Работала.

– Целый день?

– Да. Вечером была в баре, чтобы выпить кофе.

– Почему не позвонила мне, я бы приехал.

– Я хотела тебе позвонить, – не вру я.

Слышу, как голос его оттаял.

– Почему не позвонила?

Пришла моя очередь оттаять, услышав его коронное «почему?»

– Не знаю. Не хочу тебе мешать.

Он молчит, потом тихо произносит:

– Ты не можешь мне помешать.

Мы снова молчим. За окном ночь. В полуопущенных жалюзи висит луна.

– Мы увидимся завтра?

Он как заводная игрушка...

– Хорошо, – сдаюсь я.

– Я приеду за тобой.

Последняя фраза настолько поражает меня, что на автомате я называю район и отель. Какой теперь сон, встаю, включаю лампу и раскрываю книгу и ноутбук.

Наверное, когда-нибудь мое сердце все-таки разорвется от резких звуков. Грохот упавшего тюбика с гелем для душа, табуретка с полотенцами заваливается набок, в комнате звонит телефон. Надо сказать, что я уже сменила мелодию на обычный звук старого телефонного звонка, но, увы, не помогло. Шлепая мокрыми ногами по полу, выхожу из ванной и хватаю трубку.

– Сiao, – слышу его голос, очень бодрый и веселый.

– Сiao, – ворчу в ответ, – я еще в ванной. Слишком рано!

Его это, похоже, вообще не волнует: рано так рано, главное, сообщить, что вот он я тут, приехал. Выглядываю с балкона. Внизу на асфальте стоит огромный туристический автобус, наклоненный в сторону съезда вниз, улица здесь под очень большим углом, и машина. Необычного цвета, кремовая или кофе с молоком. У нас таких не встретишь. Рядом с приоткрытой дверцей стоит Давид и, задржав голову, разглядывает отель. Заметив меня, машет рукой. Я машу ему в ответ и сразу возвращаюсь в ванную, где невольно устроила погром. Пытаюсь что-то сделать со всем этим и со своими волосами, одновременно открывая тюбик с тушью. В дверь стучат. Еще этого не хватало! Заворачиваюсь во что-то, что попадает под руку и открываю дверь.

Давид стоит на пороге и улыбается.

Я очумело отступаю назад, одной рукой принимая маленький букетик неизвестных мне цветов, другой поплотнее прижимаю к себе край халата-полотенца.

Со словами «извини, можно я войду, я жду, ты не торопись» он усаживается на диван и ведет себя, как дома. Я останавливаюсь напротив и, присев на край стола, смотрю на его довольное лицо. И меня в эту минуту почему-то совершенно не смущает мой внешний вид. Его, похоже, тоже.

– Одну минуту, – говорю я.

Вытаскиваю из шкафа одежду, еще раз смотрю на него и закрываю дверь ванной. В зеркале мое лицо будто чужое. Я провожу руками по щекам, разглядываю глаза, губы, малейшие поры и морщинки на лбу. Опять это ощущение, что передо мной лишь оболочка. Чужая и мертвая. Однако, со свежим макияжем достаточно красивая, чтобы удовлетворенно примириться

с ней. Выхожу, Давид все так же сидит на диване, вертит в руке пачку сигарет. Надо же... дождался, чтобы спросить разрешения. Я согласно киваю головой и сажусь напротив. Опустив голову на высокую спинку немного помпезного стула, разглядываю его. В его глазах сегодня появилось что-то неуловимо новое. Сейчас они стали удлиненными и темными, отчего их обладатель больше похож на хищное животное, чем на своего мраморного двойника. Давид курит, похоже, никуда не торопясь, я в его власти. Я даже не знаю, куда он меня собрался везти. Я просто сижу и жду, пока он выкурит свою сигарету. Его взгляд скользит по комнате, чувствую смущение, когда он разглядывает ту ее часть, где стоит кровать и где полуоткрытый чемодан демонстрирует хаос внутри себя.

Я продолжаю сидеть на стуле, спиной к столу. Давид неспешно, медленно встает с дивана, находит глазами пепельницу среди вороха бумаг. Гасит сигарету. Сейчас он совсем близко от меня, так близко, что я невольно глубоко вдыхаю знакомый уже аромат. Его рука касается бумаг, что засыпали всю поверхность стола. Перебирает их, будто пытаюсь через кончики пальцев прочитать русские буквы. Я заворожено наблюдаю за движением его руки и не могу пошевелиться, околдованная его запахом. Молчу. В следующее мгновение его рука оказывается на моей голове. Легко касается волос. Я вновь в тумане, ничего не вижу, только сквозь шум тысячи морей, слышу слова:

– Ты так красива...

Я ловлю руку, ласкающую мои волосы, как заигравшуюся кошку. Она замирает, очутившись в моей ладони. Еле заметно дрожат пальцы. Ах, вот как! Значит, и вы уязвимы, синьор. Поднимаюсь, невольно заставляя окончится то, что происходило сейчас. Выскальзываю на безопасное расстояние и уже в следующий момент вижу его обычную улыбку.

Проходя по длинному коридору гостиницы, думаю о том, что он сейчас видит мои ноги в черном капроне, и наверняка потому держится за мной. Но здесь, в Риме, я почему-то уверена в своей фигуре, своих волосах, своем лице. Здесь я вижу себя красивой. Только здесь.

Я впервые вижу его за рулем. Его манера вождения своеобразна, иначе не назовешь. Слишком резкий, слишком быстрый, слишком рискованный на всех поворотах и светофорах. При этом уверенно держит руль одной рукой. Вторая занята своими делами: зажигает сигарету, подбирает вываливающиеся на поворотах предметы и укладывает их обратно под приборной доской, держит телефон, наконец, я не выдерживаю и спрашиваю:

– А знаки на дороге тебе о чем-нибудь говорят?

Он смеется, и мы хором цитируем один фильм:

– Они здесь для красоты!

Я так и думала. Вообще Давид не показал мне ничего нового в себе. Мне кажется, что я его знала тысячу лет, все его жесты, все его привычки. Интересно, а что он думает по поводу меня? Но этого не разгадать, даже если вот так разглядывать его лицо, не таясь, откровенно часами.

– Куда мы едем?

Он на мгновение поворачивает ко мне свое красивое лицо. Я замечаю его переменившееся настроение.

– В одно красивое место.

– Но оно в Риме?

– Да. Рядом с Тибром.

Вилла Боргезе. Я могла догадаться... Здесь я не была раньше. Действительно, сказка. Нет смысла описывать сказочное место. Парк, ресторан. Очень мало людей. Много природы. Никогда не была в ресторане вот так, с мужчиной. Поэтому сказала: «Закажи сам, пожалуйста».

В первый раз за эту поездку пробую вино. И не могу есть. Он сидит напротив и смотрит так, будто я должна что-то сказать или сделать. Когда между мной и человеком вот так повисает нечто недоговоренное, это всегда самое ужасное, что может приключиться. Я опускаю руки

и прячу их под стол. Он вдруг опускает глаза и повторяет за мной этот жест. Потом я слышу его слова:

– Я хотел сказать тебе... предложить тебе остаться. Хотя бы на то время, пока ты будешь заниматься переводом.

Внутри меня поднимается защитная стена.

– Я говорила, что это невозможно.

Он молчит и смотрит, кажется, насквозь меня.

– Ты можешь договориться на работе? Ты можешь взять отпуск?

– Да. Не думаю, что дело в работе.

– Тебя кто-то ждет?

Его вопрос произнесен таким тоном, что я не смею поднять глаз, и почти шепотом отвечаю:

– Нет. Никто.

– Я не понимаю, – взрывается он.

Я каждой клеточкой ощущаю его гнев, невольно сжимая под скатертью свои пальцы.

– Ты говорила, что хочешь быть здесь, что любишь Италию, что тебе нравится здесь все. Почему «нет»? Из-за денег? Но это можно решить. Ты можешь жить у меня, если нет, ты можешь снять любое жилье здесь, в центре или на окраине, выберешь сама. Ты сможешь здесь устроиться в какое-нибудь хорошее место, будешь наслаждаться Римом, Италией... Разве ты не хотела этого?

– А разве человек всегда делает так, как хочет? — не выдерживаю я его напора.

Бросаю салфетку на стол и прихожу в себя уже у каменного парапета, отгораживающего парк от реки, угадывающейся внизу в черной впадине. Ловлю воздух, как рыба, не могу надышаться.

– Давай! Это просто, – его голос тонет в моих волосах, он прижимает меня за плечи, стоя сзади, подойдя неслышно, как пантера.

– Я боюсь.

Я решила признаться.

Он разворачивает меня к себе. Невероятно красивый на фоне огней и черных ветвей деревьев. Его глаза блестят, будто внутри них горит огонь.

– Я боюсь, – повторяю я, не сопротивляясь тому, что он прижимает меня к себе.

– Чего? – его губы касаются моих волос у виска.

Он так близко, как никогда и никто. Пронзительный взгляд гипнотизирует и не дает дышать. Руки держат так крепко, что внутри меня, на самом доньшке, нарастает дрожь. Это страх оказаться слабым. Это страх потерять контроль. И это страх всеобъемлющий.

Когда я была одиннадцатилетней девочкой, в городе, где жил мой отец и мои бабушка с дедушкой, которых я никогда не видела, потому что родители были в разводе, мой дядя, случайно встреченный на улице, решил меня познакомить с ними. Я испугалась, я не соглашалась, но он тянул меня насильно, потом взял на руки, чтобы я не сбежала, и так нес до дома. Не помню, кричала я или нет, била его или нет, помню страх, который дал мне достаточно сил для того, чтобы вырваться и сбежать прямо от полуоткрытой двери моей незнакомой родни. Тогда был поздний вечер, и очень темно.

Страх выключает сознание и память, но включает защитные рефлексии. Почему сейчас они не сработали? Не могу пошевелить ни одним мускулом, даже поднять руку. Просто оцепенела. Сквозь какую-то туманную пелену, которая окутала меня, слышу голос, мягкий, тревожный, зовущий меня полусшепотом, и прикосновение к щеке, легкое, как дыхание.

– Чего?

Даже не пытаюсь отвечать, знаю, что голос подведет. Хочу сбежать, как тогда.

– Я не знаю, – наконец, смогла произнести онемевшими губами.

Давид еще сильнее прижимает меня к себе, я слышу его дыхание и губы, которые касаясь моей кожи, шепчут:

– Меня?

Он вокруг, он повсюду в эту минуту, только его воспринимает каждая клеточка моего тела. Тепло, запах, сила, что наполняет его — только это я способна сейчас слышать. Вдруг чувствую его дрожь, и это настолько ошеломляет, что я невольно поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом. Испуганным взглядом, словно ждущим приговор.

– Нет, – шепчу я, опутанная страхом.

Разве можно объяснить его? Да, возможно, я просто слабый человек, который не может принимать решения, который стесняется чужих людей, который элементарно лишен коммуникабельности. Да, у меня сплошные недостатки, но бороться с ними уже слишком поздно. Неужели это все можно объяснить?

Усталость сковывает все мое существо, руки, ноги, голова, спина – все налилось каменной тяжестью. И то, что есть живое внутри меня, тоже сникло, как снег под лучами весеннего солнца. Я опускаю голову. Мне не хочется даже думать на эту тему.

Осталась пара дней, я закрою чемодан, оденусь потеплее и уеду домой. Это решенный вопрос. Для меня решенный. Сила сопротивления внутри меня начала просыпаться. Давида надо остановить, потому что мне кажется, это его слова и все, что он делает, виноваты в моем страхе. Я нахожу в себе силы и отступаю назад. Иду по темной узкой тропинке, ощущая под ногами каменные отшлифованные веками плиты. С обеих сторон недвижные кипарисы дышат и молчат. Они настолько огромны, что своими черными толстыми телами создают тесный коридор со стенами до самого неба. Куда ведет дорожка, наверное, не знает и тот, кто сажал эту аллею несколько веков назад. И я иду по ней, не зная куда, лишь бы быть подальше от этих жадных горящих и таких живых глаз Давида.

Он неслышно идет следом. Я не вижу его, но чувствую его за своей спиной. Чувства обострились так, что мне кажется, вот теперь я проснулась. Никакой пелены, никакого нереального мира. Я каждой клеточкой чувствую, вижу, слышу, ощущаю все, что вокруг. Запахи, звуки, шершавые камни под ногами и мягкие сухие лапы кипарисов, влажность воздуха, высоту неба надо мной, мне даже кажется, что я слышу шум далекого отсюда моря...

Мысли о море меня успокаивают. Почему-то само его существование вселяет в меня уверенность в чем-то вечном и незыблемом, как если бы летящему в бездну вдруг подставили под ноги спасительную поверхность.

Еще одна красивая площадка с видом на реку. Мраморная балюстрада и заросли плетущихся растений. Воздух Рима. Пытаюсь рассмотреть в черной пропасти внизу Тибр. Ничего не видно. Река течет, похожая на время, неспешная, размеренная, тихая.

Молчание наполняет все вокруг. Никто не решается нарушить его. И я не решаюсь взглянуть на Давида. Возможно, мне стыдно перед ним своей слабости и своей трусости. С другой стороны, утешаю я себя: во-первых, я женщина, мне позволительна слабость, во-вторых, никто, в том числе Давид, не может осуждать меня! Он сам попробовал бы переехать в какую-нибудь чужую страну, да еще в таком возрасте! Когда за плечами ровно половина жизни, а может и больше! Эти мысли вновь убеждают меня в собственной правоте. *Va bene*. Ладно.

Давид подходит ближе, на его лице невозможно прочесть его мысли. Смотрит на меня. Не достает сигареты. Я думаю об этом... сколько же времени прошло с того момента, как он последний раз курил? Когда мы ждали официанта? Полчаса или час? Иногда время делает скачок, и тебя охватывает ощущение, что за минуту прошла, по меньшей мере, целая жизнь. Вот, как сейчас.

– Значит «нет»..., – говорит он, заставляя меня отвернуться. – Скажи, как ты живешь? Я хочу знать это.

Простой вопрос, легкий. Мне не раз приходилось на него отвечать, правда, письменно. Не без цинизма отвечаю:

– Итак. Мой обычный день. Каждое утро я думаю, что новый день – это огромная сложность для меня. Обычно я встаю в семь тридцать, одеваюсь, причесываюсь, и сразу же пью кофе. Предпочитаю кофе с молоком и кусочком сыра. Все дни я хожу на работу, только понедельник – мой свободный день. Иду на работу пешком, потому что в моем городе нет ни автобуса, ни троллейбуса, ни трамвая. Я должна идти около двух километров, полчаса, но этот путь очень красив. Я вижу горы, реку, храмы, лодки, большие деревья. Когда прихожу в кабинет, сразу же включаю компьютер и читаю новости и почту. На работе я нахожусь с девяти до шести, потом возвращаюсь домой, где меня ждет кошка. Каждый вечер я занимаюсь итальянским: читаю, пишу, учу грамматические правила. И так больше семи месяцев. Почему все дни – это трудность для меня? Объясняю: у меня есть огромная мечта..., – здесь я пропускаю целый отрывок. – Но... она невозможна. «Пронзенный солнечным лучом, каждый одинок в сердце земли, и сразу же вечер».

– Что это? – спрашивает он, зажигая сигарету.

– Так... отрывок моего урока и восхитительная цитата одного итальянца в конце.

Я не знаю, что он хотел от меня услышать. Не кажется довольным. Курит, отвернувшись к реке. Я сижу на мраморной балюстраде, чувствуя ее холод.

– Тебе нравится? – продолжает он.

– Что? – искренне не понимаю я, о чем он спрашивает.

– Твоя жизнь?

Вижу его черные глаза с маленькими искорками внутри. Ждет ответа.

– Почему жизнь должна нравиться?

– То есть, ты принимаешь ее как испытание?

– Это так. Это правда. – Мне хочется сказать, что это правда не только для меня, а вообще, что так устроена жизнь, но мой язык слишком беден.

Смотрю на его недовольное лицо. Он не согласен. Что ж... это и следовало доказать: мы абсолютно разные. Разные миры, сложившиеся веками. Ничего общего. Сразу захотелось домой, я имею в виду отель.

– Поздно уже, – говорю я.

Перед моим лицом его кудрявая голова, низко опущенная. До меня, кажется, долетают аромат волос и обрывки его мыслей. Кожей ощущаю его недовольство.

– Хочешь вернуться? – говорит он, поднимая лицо, и я вижу его рядом с собой.

Киваю головой. Хотя, на самом деле, больше всего мне хочется сейчас дотронуться до его волос и щеки. Он не двигается, и мне поэтому никак не спуститься с парапета и не уйти.

– Когда я говорил о том, что хочу разговаривать с тобой о многих вещах – это правда. Но если ты уедешь, мы не сможем...

– Давид, – мне нравится произносить его имя, оно вызывает у меня улыбку. – Давид, я сказала, это невозможно.

– Почему?

– Я не знаю... по многим причинам.

– Например?

Мне нечего сказать.

– Например, моя виза кончается.

– Когда?

– 18 января.

– 18 января! – почти кричит он. – До этого времени больше месяца!

Я смеюсь. Я устала отбиваться.

– Остайся, – умоляет он, – остайся на месяц, потом езжай домой.

– Почему?

– Потому что... ты нравишься мне.

Заглядывает мне в глаза своими огромными детскими глазами.

– Очень, очень, очень нравишься.

«Ну и что?» – говорит внутри меня что-то, «Вот это аргумент!» Абсолютно не аргумент. Меня просто захлестывает волна возмущения. Нет, вот это наглость! Я должна бросить все, потому что я ему нравлюсь! С ума сойти. Отталкиваю его и почти бегу между толстыми и сухими кипарисами Боргезе. Даже денег на такси не пожалела.

В номере включила верхний свет и вытащила на середину чемодан. Стала забрасывать туда одежду, расческу, заколки, бегая между ванной и комнатой. Все. Когда все мои вещи были упакованы в чемодан, комната стала девственно чистой, такой, какой была изначально. Этого мне показалось мало, и я принялась расставлять все предметы на свои места, так, как они стояли, когда я переступила порог номера. Жалюзи, поднятые мной в первый же день, я опустила до пола, почти содрав кожу на ладони от ставшей горячей веревки в механизме. Теперь все. Осталось дожидаться, пока пройдут два дня. Проведу их в музеях и прогулках по городу, буду есть мороженое и делать то, что обычно делают туристы. Я в безопасности. Взгляд упал на телефон, сердце неприятно заныло, вот еще один источник моего страха. Чтобы совсем избавиться от него, выключаю. Теперь он не сможет зазвонить. Тишина и безопасность.

Утром хозяин гостиницы радуется завтраком: снова пир горой. Почти целый день я гуляю по городу, просто болтаюсь по улицам и площадям. Чувствую себя здесь как дома. Нет, не «как», а дома. Мне нравятся люди, меня не раздражают туристы. Все здесь вызывает улыбку. Смотрю в зеркальную витрину, хорошо выгляжу. *Sto molto bene*. Нравлюсь себе. Покупаю мороженое, свое любимое: лимонно-ванильное. Сажусь на край фонтана. Я могла бы здесь жить. Определенно могла бы.

Если бы я жила в одном из этих домов, в квартире с деревянными ставнями на окнах, вставала бы утром и улыбалась. Выходила на улицу, шла по серым отполированным камням, перед работой заходила бы в бар и пила кофе. Где бы я работала? Не знаю. Не могу представить себя в каком-нибудь учреждении. Возможно, гидом по городу? Возможно, да. Я научилась бы одеваться так, как римлянки. Сделала бы себе пышную копну волос, накрутив их на мелкие папильотки. У меня темные волосы, наверное, я сошла бы за местную. Потом, когда бы освоила язык. Мне почему-то очень хочется научиться ему. Свободно разговаривать, понимать тех, кто сидит за соседним столиком в кафе. В мечтах все было просто. Мысли вдруг повернули к Давиду. Как жаль, что я не родилась здесь. Мы могли бы тогда быть с ним на равных. Я была бы такой же гордой, как его адвокатесса, самоуверенной до звона золотых браслетов. Мечты, мечты...

Да, в воображении все просто. И что он мне предлагал? Остаться на месяц, пока не кончится виза, пожить у него... Что за..?! Сказать, что я в возмущении, ничего не сказать. Я стукнула изо всей силы пяткой по камню. Еще раз. И еще. Хорошо ему рассуждать: прожил здесь всю жизнь, квартиры, домохозяйка у мамы, наверняка, и у него. Адвокатесса. Машина, которую нет нужды использовать каждый день, потому что есть такси, а может и водитель. Ох, нет. Сытый голодного не разумеет. Интересно, можно ли перевести эту поговорку на итальянский? Найдешь работу... интересно, у них тут всех желающих берут? Квартиру снимешь... по цене моей годовой зарплаты. Черт! Другой мир. Им нас никогда не понять. И еще странное отношение сквозит ото всюду и ото всех – равнодушие. Похоже, что я полностью убедила себя в том, что пора возвращаться. К своему «обычному дню».

Устала, ноги гудят от хождения по длинным мостовым. Стянула ботинки и носки. Легла на застеленную кровать. Каждый день здесь меняют белье и полотенца. «Четыре звезды», улыбаюсь я. В номере полутьма, жалюзи не пропускают свет. И кажется, что уже ночь. Не хочется

двигаться. Не хочется включать телевизор. Лежу в тишине, которая обволакивает, заставляет расслабиться.

Передо мной на тумбочке лежит книга. «За дверями ада». Протягиваю руку и глажу ее корешок.

Почему он написал ее? Я ни о чем его не спросила. Как жаль.

Может быть, он это сделал по совету психолога? Избавиться от прошлого, от болезни таким способом. Но зачем ее продавать? Пиши себе сколько угодно дневник, избавляйся от своих черных мыслей, выливай их на бумагу – веками проверенный способ. А тут книга. В обложке. Из издательства.

То, что я успела прочитать, заставляет испытывать боль. Его боль. Он тоже человек, «пронзенный лучом солнца».

Так, размышляя, я лежу в полутьме без движения, пока... На улице какой-то ненормальный сигналит в машине. Первая мысль, что тот огромный автобус, что постоянно стоит у входа, перегородил кому-то дорогу. Ах, эти итальянцы! Думаю, сейчас там начнется их фирменная перебранка с размахиваниями руками и ругательствами. Пойти посмотреть? Но для этого мне надо поднять жалюзи. Она такая тяжелая, что сделать это нелегко. Я вожусь с ней, а на улице снова воеет машина. Не переставая. Воеет все то время, пока я поднимаю жалюзи и выхожу на балкон. Здесь, на улице, от этого звука, кажется, вот-вот попадают все балконы нашего отеля.

Подхожу к перилам, смотрю вниз, кровь отхлынула от лица.

Это я, оказывается, я – виновник шума. Страшно и приятно одновременно. Внизу стоит кремовая машина и гудит на весь Рим, как волк на Луну. Думаю, что все, кто живет в нашем отеле и все, кто живет вон в тех домах напротив, смотрят сейчас на меня и осуждающе матерятся. Давид, увидев меня, вышел из автомобиля. Все. Тишина. Я делаю ему знак, чтобы он поднялся. Стучит в дверь через две минуты, за которые я не успеваю включить свет, так, в потемках открываю замок.

– С ума сошел?! – сейчас я сама себе напоминаю итальянку и ору на него. – С ума сошел?! Он успевает одновременно войти, закрыть за собой дверь и сжать меня в объятиях.

– Да. Я, кажется, я влюбился.

Sono innamorato.

А я не успеваю ничего, и чувствую на губах его губы.

Ловлю ртом воздух, как рыба на берегу, вижу блестящие глаза перед собой и полуулыбку.

«Телефон»... что? Ах, понимаю, что он говорит о моем телефоне. Я и забыла, что выключила его. «Не работает» – вру. Он не верит. Но улыбается. Мне трудно держаться на ногах, он лишил меня точки опоры. Приходится неловко цепляться за его плечи.

– Ты решила? – говорит он, заглядывая мне в глаза, держа мое лицо ладонями.

Господи боже мой, *Madonna mia* ... Я не могу ничего решать, я в принципе не способна на это! Мне что, придется все-таки решить? Нет, нет, нет, нет и тысячу раз нет. Я не могу. И знаю, что его этим не остановишь. Видя мое колебание, только сильнее прижимает меня к себе. Я отчаялась бороться, просто кладу голову ему на плечо. Закрываю глаза. Вот оно... господи, дай мне минуту, или две, провести так. И пускай этот мир снова кажется нереальным, и пускай он продлится всего лишь две минуты. Они для меня покажутся вечностью, самой прекрасной, самой счастливой.

– Дай мне свой билет.

Наверное, у меня лицо умалишенной. Я хлопаю ресницами, соображая.

– Дай мне свой билет, – повторяет он.

Роюсь в темноте, бесполезно. Зажигаю настольную лампу. Билет лежит в сумочке. Протягиваю ему. Через секунду приходится снова орать: «Сумасшедший?!» – потому что вижу, как Давид рвет на клочки мой билет на самолет. Я сажусь на диван и реву.

Понимаю, что это конец. От меня ничего не зависит. И вышло так, что он все решил сам, избавив меня тем самым от мучительного выбора. В свете лампы отлично проступил идеальный порядок в номере, что я успела устроить и упакованный чемодан, аккуратно стоящий у кровати. Дальше ощущаю себя заложницей в лапах бандита: по-хозяйски проверяет шкаф и тумбочку, вытаскивает мою куртку и бросает ее мне на колени, какую-то мелочь со стола засовывает в рюкзак. Одновременно хватает меня, мой чемодан, рюкзак и сумочку и выволакивает за дверь. Таким же образом заталкивает меня и мое добро в машину, захлопывает дверь и быстро вбегает обратно в отель. Возвращается через минуту. Выезжает на основную дорогу и оборачивается ко мне. Я вижу его широкую улыбку.

За окнами ночной Рим, огни, памятники и спящие пинии.

Спустя полчаса машина останавливается в незнакомом мне районе, Давид нагружает себя снова, вытаскивает меня за руку, не выпуская, достает из кармана ключи. Дом невысокий, этажа в три. В сумеречном свете быстро поднимаемся на второй этаж. Еще раз звенят ключи, и мы в его квартире.

Темно. Не могу разобрать, какая она. Он явно с облегчением освобождается от моих сумок, снимает с меня куртку. Затем свою. Я продолжаю стоять столбом у двери, которую он успел закрыть на все замки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.